

У старого рудника — эпизод 4 из 4

К этому надо добавить — заводское начальство было уверено, что население, привязанное к месту домишками, покосами и микроскопическим хозяйством, не разбежится, если его еще слегка придерживать такими поводками, как перевозка и право «искаться в земле». Последнее на официальном языке называлось правом разработки золотиносных россыпей.

И заводское начальство не ошиблось. Население, особенно в Полевском заводе, несмотря на давнюю заброшенность этого завода, упорно держалось за родные места. Может быть, это упорство в какой-то мере поддерживалось и многочисленными, оставшимися еще от крепостной поры легендами о «земельных богатствах».

Люди верили в это и ждали, что «опять загремит наша Полевая», а пока, руководствуясь только практикой стариков-старателей да кладоискательскими приметам, «бились в земле», переворачивая миллионы кубометров песков. Причем эти миллионы чудовищно преувеличивались владельческими адвокатами как «судебный повод». Те из полеван, которые разочаровались в песках, «держались за лес»: заготавливали бревна, дрова и древесный уголь для соседнего Северского, а иногда и для Сысертского заводов — либо по «убойной дороге» везли чугун и мартеновские слитки.

Заводское начальство могло быть спокойно: дешевая рабочая сила на подсобных работах и бесперебойная перевозка грузов были обеспечены. Не надо было думать ни о спрямлении, ни даже об исправлении дороги.

Например, от Северского до Верхсысертского по прямой было не больше тридцати верст. Грузов здесь проходило больше всего. Проложить тут дорогу по просекам с использованием существовавшего моста через Чусовую было совсем легко: требовалось лишь расширить просеку, перебросить пару мостиков через мелкие речушки да проканавить подсыхающую часть болота. Однако даже попытки такой не было, и люди везли груз по круговой дороге через Сысерт, делая свыше пятидесяти верст.

Во время своей первой поездки я, разумеется, не знал того, о чем написано выше. Привыкший в уральских условиях ко взгорьям и спускам на любой дороге, я тогда даже заметил, что здесь был перевал из одного водораздела в другой. По-ребячьи лишь почувал, что после Липовского увала произошла какая-то перемена. Как будто до этого растительность была строже, суровее, а

за Липовками стала мягче, кудрявее; появились бабочки неизвестной мне окраски; среди привычной зелени сосняка замелькали и бледно-зеленые листья кустарниковой липы (липняка); показались первые ели.

Крепко засели в памяти две дорожных стлани. Одна покороче, другая — ее и звали Долгая стлань — тянулась верстами. Это был настил из жердей по затопляемым весной участкам дороги. Настил делался небрежно, из жердей разной толщины, очевидно, с расчетом засыпать этот настил сверху песком. По отдельным островкам можно было видеть, что такая засыпка и производилась когда-то, но очень давно не подновлялась. Не только ездить, но и ходить по такому настилу из подпрыгивающих или исковерканных жердей было трудно.

Другое, что привлекло внимание, — это пустынность края. На протяжении сорока пяти верст имелась лишь одна приисковая деревушка. Косой Брод, где был мост через реку Чусовую. Кроме этой деревушки, был еще Липовский кордон — что-то вроде станции для возчиков чугуна и мартена. Этот кордон был как раз на половине пути от Северского до Сысерти.

Чусовая, о которой я слышал, как о главной реке «Полевской стороны», произвела обратное впечатление: стал вслух удивляться, зачем над такой речонкой построен большой и высокий мост.

Обратный возчик, с которым мы ехали, усмехнулся:

— Мы вот, как весной ездим, так другое говорим. Такой ли мост на этой реке надо! Того и жди, — разнесет по бревнышку. А им что! Сами, небось, в эту пору не ездят, а до нашего брата им и дела нет.

Я прекрасно понимал, что они — это заводское начальство; привык слышать, что всегда начальство старается сделать во вред рабочим, но здесь мне показалось требование чрезмерным.

— Над такой-то речонкой! Да у нас в Сысерти около Механического пруда вон какая ширь, а мост меньше здешнего.

— Не спорь-ка ты, не спорь! — вмешалась мама. — У нас ведь мост над спруженным местом, а здесь вольная река. Сама хоть не видела, а слыхала, что весной она сильно бушует.

— Того вон места не видать, — показал возчик на далекие кусты вправо от реки.

Я просто не поверил этому и по-ребячьи подумал:

«Задается своей Чусовой, а тут и лошадь искупать негде!»

После Чусовского моста дорога расходилась: вправо — хорошо накатанная, даже избитая — в Северский завод, прямо — в гору такой же ширины, но какая-то зарастающая, похожая на зимник, шла дорога «на старый завод».